

Иногда он с тревогой бродил вокруг фарфорового завода, пытаясь найти что-то похожее на цинь, чтобы сыграть, но ничего подходящего не находил. В конце концов он срубил бамбук подходящей толщины, вырезал нечто, отдалённо напоминающее флейту, и сел под сливовым деревом играть.

Сливы в роще из зелёных превратились в красные, и почти все их уже собрали. Только на том дереве, у которого часто сидел Хэ Шэньпин, плоды оставались нетронутыми, свисая тяжёлыми гроздьями. В конце концов перезревшие сливы упали на землю, но никто их не ел.

Оставшиеся на ветках плоды Хэ Шэньпин собрал и приготовил из них сливовое вино, которое закопал в землю.

Погода становилась прохладнее, и утренние занятия перенесли на полдень. Людей, которые могли сами писать и читать письма, становилось всё больше, и Хэ Шэньпин перестал ограничиваться обучением иероглифам, начав рассказывать о литературе, а позже и об истории, не ограничиваясь рамками своей страны.

Однажды после занятий Ван Бинь дождался, пока все уйдут, и тайком передал Хэ Шэньпину яйцо.

— Учитель Хэ, вы так похудели, съешьте хоть одно.

Хэ Шэньпин не принял.

Это был уже седьмой раз за месяц, когда Ван Бинь пытался передать ему яйцо, и каждый раз Хэ Шэньпин отказывался. Одно яйцо Ван Бинь мог предложить дважды: сварив его перед рассветом, он вручал его в первый день, а на следующий день снова предлагал. На третий день яйцо портилось, и ему приходилось съедать его самому, а на четвёртый день он варил новое.

Когда он тайком варил пятое яйцо того месяца в котельной, к заводу пришёл местный крестьянин, заявив, что кто-то из работников украл его яйца.

— У меня только одна чёрная курица, она только что снесла яйцо, гнездо ещё тёплое, а яйца уже нет, — жаловался крестьянин, держа курицу за крылья и показывая её руководству завода.

— Откуда я знаю, что это кто-то из завода украл? — с живой мимикой повторил слова крестьянина руководитель завода, держа в руках большую фарфоровую чашку, словно это была курица. — Посмотрите на эту белую грязь на чёрных перьях, разве это не с завода?

Закончив подражать, он сразу же принял серьёзный вид чиновника:

— Кто украл яйца, пусть сам выйдет вперёд. Разве вас не учили, что нельзя брать у народа даже иголку с ниткой?

— Никто не признаётся? Хотите, чтобы я сам разобрался? Думаете, я ещё не знаю?

Руководитель завода ходил вокруг группы рабочих, и его вопросы, словно холодный ветер, проникали под воротники, остужая сердца, несмотря на пот на спинах.

— Кто обычно убегает с завода? Кто любит устроить себе перекус? Вы все это знаете... У нас здесь большинство товарищей — хорошие люди, но тех, кто плохие, мы, конечно, разоблачим. Разве можно позволить горстке плохих испортить атмосферу на всём заводе?

Его голос тянулся, тон опускался, а глаза метали предупреждения.

— Кто будет первым, кто разоблачит?

Воздух постепенно сгущался.

— Хорошо, никто.

Прошёл обеденный перерыв, воды не было, все стояли в поту, и тот же голос гулко разносился вокруг голов. Вопросы, наставления, уговоры — всё это повторялось снова и снова, почти заставляя поверить, что этот человек с большим животом, расхаживающий вокруг и размахивающий руками, — терпеливый педагог... Почти. В конце концов он потерял терпение.

Гнев, который даже его большой живот не смог переварить, и бессилие, с которым он никогда не мог управлять этими муравьями, превратились в банальный приказ: круговая порука. Этот приказ был настолько древним, что не менялся уже тысячу лет.

— Либо сами признайтесь, либо мы все вместе вытащим этого вора... Пока не найдём того, кто украл яйца, дневной паёк сокращается наполовину.

Руководитель завода долго ждал, но услышал только тяжёлое дыхание от жары, увидел, как люди поднимают полы хлопковых рубашек, чтобы вытереть пот, и бесцельно пинают камни на земле, а также заметил либо равнодушные, либо уклончивые взгляды.

Он подумал, что, возможно, эти люди, которые не учились и двух дней, не понимают смысла этого великого приказа.

— Умеете считать? Это значит, что если не найдём вора, то вчерашние два цзиня батата сегодня станут одним, завтра — половиной цзиня, послезавтра — всего двумя с половиной ляннами, а дальше и одного ляна не останется.

Сказав это, он с удовлетворением заметил, как изменились выражения лиц большинства, и некоторые начали перешёптываться.

Еда — только еда была последней границей.

Деньги, свобода, даже секс — угрозы, связанные с большинством желаний, были бесполезны, потому что люди, жившие здесь, никогда не удовлетворяли их — кроме голода.

Хэ Шэньпин прикрыл рукой живот, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна, которую он не мог контролировать, потому что внезапно вспомнил письмо Цзян Хэлая. Одновременно он почувствовал странное облегчение, что на этом заводе нехватка еды использовалась только как наказание, как средство принуждения, и что здесь были только взрослые мужчины, и никто не обменивал бы своих детей на еду.

Хэ Шэньпин сделал шаг, но тут же был остановлен Ван Бинем.

Взгляд Ван Биня был полон мольбы, и Хэ Шэньпин слегка покачал головой, тихо сказав:

— Пойдём вместе, всё объясним.

Рука Ван Биня крепко держала Хэ Шэньпина за руку, и, будучи молодым и сильным, он почти приковал его к месту:

— Нет, нет, учитель Хэ, учитель Хэ... Я потом извинюсь перед вами, но сейчас... нет, правда, нельзя, нельзя идти.

Руководитель завода некоторое время наблюдал за толпой, а затем с уверенностью, основанной на знании человеческих слабостей, ушёл, улыбаясь, закурил сигарету и пошёл, держа её в руке.

А собравшиеся рабочие уже обменялись взглядами и мнениями. Хотя большую часть своего образования они получили за несколько месяцев занятий в Сливовой роще, все они хорошо знали истории о недавней войне. Возможно, мало кто знал, кто такой Ван Цзыань, но все знали Цю Шаюня. Поэтому, когда Эр Хоу сказал, что никто не должен быть предателем, никто не посмел возразить.

Группа людей, возможно, могла принять воровство, грабёж, изнасилование и даже убийство, но предательство — нет, даже самая беспринципная группа не могла принять предателя.

Но они уже несколько часов мучились от голода, и кто-то тихо пробормотал:

— А что... делать, если не будет еды.

Это действительно был практический вопрос.

В конце концов Эр Хоу присел на корточки, пожевал травинку, оглядел всех стоящих и тихо, с презрением сказал:

— Этот проклятый толстяк действительно осмелится уморить голодом весь завод?

Эти слова убедили всех.

Только когда все рабочие разошлись, Ван Бинь отпустил Хэ Шэньпина, и его крепкая рука оставила следы на руке Хэ Шэньпина через одежду.

Он раз за разом кланялся и извинялся, массируя руку Хэ Шэньпина, его движения и выражение лица не соответствовали его высокому и крепкому телосложению, как будто внутри него жил ребёнок, выглядевший неуклюже и печально:

— Учитель Хэ, я действительно не могу пойти, моя сестра учится в университете, мне нужно коптить деньги, я не могу уйти.

Да, это место, от которого такие интеллигенты, как учитель Цзян и учитель Хэ, хотели сбежать, уже стало для него местом, где он мог устроить свою жизнь.

Хэ Шэньпин тоже прочитал это во взгляде Ван Биня, они оба были в грязи, но Ван Бинь не мог уйти, это место было его надеждой, его мечтой о том, что сестра закончит университет, устроит его на работу, а потом он женится, заведёт семью и детей, и всё это было связано с этим местом, где даже за одно яйцо нужно было совершить преступление.

Хэ Шэньпин глубоко вздохнул и ничего не сказал.

Эта тихая битва с голодом началась, и, провожая Ван Биня, Хэ Шэньпин долго стоял, глядя на его спину, направляющуюся к вокзалу.

В первую ночь Хэ Шэньпин, сидевший на стуле и раскрашивавший фарфор, ещё не сильно пострадал, но те, кто таскал керамический камень и работал в печи, уже начали сдаваться, хотя все ещё держались.

Ван Бинь прошёл мимо Хэ Шэньпина, опустив голову, не здороваясь.

На следующий день в полдень, когда Хэ Шэньпин пришёл в Сливовую рощу читать лекцию, он обнаружил, что пришла только половина людей. Ван Бинь сказал, что многие таскали камни всё утро, а в обед ничего не ели, были настолько голодны, что не могли идти, и не пришли.